

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА И ОРГАНИЗАЦИЙ

СТРУКТУРА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ В СИТУАЦИЯХ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ И ФИЗИЧЕСКОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

©2019 г. С.Л. Кандыбович*, Т.В. Разина**

*Академик РАО, доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина», 390000, Рязань, ул. Свободы, д. 46; e-mail: s.kandybivich@sodru.com

** Чл.-корр. Академии военных наук РФ, доктор психологических наук, доцент, профессор РАО, главный аналитик, ФГБУ «Российская академия образования»; 119121, Россия, Москва, ул. Погодинская, д. 8; e-mail: razinat@mail.ru

Поступила в редакцию 13 сентября 2018 г.

Аннотация. Неопределенность физической среды затрудняет работу сенсорных систем человека (плохой обзор, наличие шумов и т.п.) или вызывает сложности в протекании когнитивных процессов. Неопределенность социально-психологической среды связана со сложностью интерпретации коммуникаций, социальных связей, а также многозначности, скрытности, недостаточности или избыточности информации. Для научных работников свойственна толерантность к физической неопределенности, но они крайне уязвимы к социально-психологической неопределенности. Целью исследования являлось изучение направленности на поиск/припоминание информации у научных сотрудников в ситуации неопределенности в контексте их психологической безопасности. Показано, что в ситуациях социально-психологической неопределенности наблюдаются низкие показатели направленности на поиск информации. Анализ результатов позволил установить, что для научных сотрудников характерна высокая толерантность к неопределенности физической среды, но низкая к социально-психологической неопределенности, и это в свою очередь снижает способности действовать в ситуациях физической неопределенности, т.е. осуществлять профессиональную деятельность. Научные сотрудники-мужчины оказываются

более подвержены неблагоприятным воздействиям ситуации социально-психологической неопределенности, в частности у них выше уровень мотивации безопасности. Также у респондентов были отмечены фрустрационные состояния в связи с сохранением познавательной мотивации и одновременным ограничением их направленности на поиск информации в неопределенной социальной ситуации, что в свою очередь вызывало поведенческие стратегии, направленные на актуализацию прошлого опыта и снижение познавательной активности. Отмечается, что затяжные ситуации социально-психологической неопределенности у научных сотрудников могут выступать фактором существенного снижения их психологической безопасности.

Ключевые слова: ситуация неопределенности, физическая неопределенность, социально-психологическая неопределенность, направленность на поиск/припоминание информации, научный сотрудник, психологическая безопасность.

ВВЕДЕНИЕ

В условиях все нарастающих процессов глобализации принципиально меняется мир, образ жизни и мировоззрение людей. Как отмечают исследователи, глобальные проблемы сводятся к трем основным: опасность уничтожения человечества в мировой термоядерной войне; возможность всемирной экологической катастрофы; духовно-нравственный кризис человечества. Также актуальны и более конкретные глобальные вызовы или глобальные угрозы, среди которых – выраженное экономическое неравенство населения, массовая бедность, демографические и миграционные проблемы, межнациональные и межконфессиональные конфликты, международный терроризм, нарастающий дефицит природных ресурсов, в частности, пресной воды, и др. (Социально-психологическая оценка..., 2017; Журавлев, Ковалева, 2018; Нестик, Журавлев, 2018). Данные глобальные проблемы в своей совокупности создают крайне напряженную и дискомфортную среду, которая субъективно воспринимается как достаточно опасная, в том числе и в связи с высокой степенью ее неопределенности – никто не может дать точный прогноз будут или не будут решены указанные проблемы, разразится ли катастрофа и

если да, то, когда и т.п. (подробнее см.: Проблемы социальных конфликтов..., 2018; Психологические исследования глобальных процессов..., 2018; и др.).

Указанные глобальные проблемы и вызовы, а также субъективное восприятие их опасности, усугубляются процессами информатизации, связанными с формированием цифрового общества и экономики. В связи с перечисленными факторами и изменениями, проблема неопределенности и функционирования в ней приобретает все большую остроту с точки зрения сохранения и поддержания психологической безопасности различных групп населения. Чрезмерная степень неопределенности в повседневной жизни человека способна привести к формированию устойчивых негативных психоэмоциональных состояний, которые деструктивно влияют на психологический статус личности. В профессиональной деятельности в последние годы степень неопределенности существенно возросла благодаря активному внедрению новых цифровых технологий, в том числе – интернета. С одной стороны, его использование призвано снизить неопределенность, предоставляя пользователю всю известную информацию. С другой, пользователь сталкивается с избыточностью информации и необходимостью квалифицировать ее по степени достоверности.

Как отмечает в своей работе Е.Ю. Патяева, активное включение человека в различные сетевые сообщества создает опасность размывания своих психологических границ из-за чрезмерно интенсивного общения, возникает острая потребность в селекции информации и «отсеивании чуши» при «затапливании фактами», а также подразумевает умение общаться в сети, распознавать особенности коммуникаций, в частности, «ненавидящую речь» (Патяева, 2018, с. 103). Все эти факторы и явления виртуальной реальности, с которыми человек сталкивается ежедневно, провоцируют ситуации неопределенности как в обыденной жизни, так и в труде (Марищук, Юхновец, 2016) – даже в тех видах профессиональной деятельности, где ранее их не

было. Многие фирмы и компании широко используют работу сотрудников (а иногда целых отделов, филиалов) в формате удаленного доступа, общаясь с ними исключительно в виртуальном режиме. Научно-исследовательская деятельность в данном плане не исключение, а скорее наиболее яркий пример, отражающий указанные закономерности.

Это обуславливает необходимость переосмысления проблемы неопределенности в контексте изучения личностных качеств, способствующих эффективному противостоянию ситуациям неопределенности, наиболее эффективных путей совладания с ней и сохранения психологической безопасности человека и профессионала (Обознов, Журавлев, 2016; Жизнеспособность человека..., 2016; Психология, управление, бизнес..., 2016; и др.).

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

Организация и проведение исследований по отношению к ситуациям и состояниям неопределенности представляет определенную сложность в связи с большим количеством самых разнообразных и зачастую противоречивых подходов к их трактовкам в психологии, философии и психофизиологии. Как правило, различные исследования затрагивают какой-либо один аспект проблемы неопределенности, и при этом существует довольно большой дефицит валидных и надежных методов ее диагностики, в первую очередь в психологии.

Мы считаем, что оптимальным подходом к изучению неопределенности в контексте возможностей и перспектив совладания с ней в профессиональной деятельности, будет определение ее основных видов, исходя из внутренних качеств и функциональных характеристик. С этой позиции, можно выделить два основных вида неопределенности, которые условно можно обозначить как *неопределенность физической среды* и *неопределенность социально-психологической среды*.

Неопределенность физической среды затрудняет работу сенсорных систем человека (плохой обзор, наличие шумов и т.п.) или вызывает сложности в протекании когнитивных процессов. Физическая неопределенность обусловлена объективными материальными (в ряде случаев информационными) стимулами. Они могут воздействовать либо на один канал восприятия информации, либо сразу на несколько, что в свою очередь вызывает известные когнитивные затруднения.

Неопределенность в информации также вызывает когнитивные проблемы, в частности, возникновение когнитивного диссонанса, которые касаются не просто оптимального выбора одной из ряда альтернатив, но и связаны с принципиальным незнанием путей и способов решения той или иной задачи. Как правило, в научной деятельности предметом исследования как раз является неопределенность физической среды. Даже в случае, когда речь идет о социальных науках, нельзя сказать, что ученый, решая научную проблему, работает с социально-психологической неопределенностью, поскольку, изучая социальную реальность, исследователь относится к ней как к объекту, он сам не погружен в нее.

Неопределенность социально-психологической среды – другое качество неопределенности. В первую очередь субъект сам включен в эту неопределенность и не может относиться к ней как к объекту изучения, он сам – субъект данной неопределенности. Социально-психологическая неопределенность связана со сложностью интерпретации коммуникаций, социальных связей и контекстов, их многозначности, а также скрытости, недостаточности или избыточности информации и прочими факторами комплексного характера, которые базируются не столько на физических особенностях восприятия, сколько на законах социальной перцепции, межличностного восприятия. К социально-психологической неопределенности относятся и «потери» собственного «Я» в социуме, и размывание границ

собственной «самости» в ситуации доминирования социального или нарушение коммуникации (Соколова, 2018, с. 28). Типичной ситуацией возникновения социально-психологической неопределенности является взаимодействие представителей различных социальных институтов, которые обладают качественно различными ментальностями, целями, задачами, мировоззрением и т.п. Ярким примером является взаимодействие представителей науки с представителями власти и т.п.

Значительную практическую проблему представляют ситуации неопределенности в профессиональной деятельности и, в частности, научной. Необходимо еще раз отметить, что предметом научной деятельности как раз и является неопределенность. Современная европейская научная традиция и методология начала формироваться в античности и во многом несет на себе отпечаток той эпохи. С ситуациями неопределенности и состояниями, вызываемыми ими, человек сталкивался изначально, и неслучайно именно они становились предметом первых философских размышлений. Так, Сократ говорил: «Я знаю, что я ничего не знаю». Сейчас данное утверждение часто приводят с использованием сравнительной степени: «Чем больше я узнаю, тем больше я убеждаюсь, что ничего не знаю». Эта закономерность, когда расширение знаний о мире порождает новые вопросы, фиксировалась и в античной философии, и в натурфилософии, но не вызывала существенного психологического дискомфорта и воспринималась как нечто само собой разумеющееся. Более того, наличие значительного поля неопределенности в некоторой степени вызывала удовольствие у философов, поскольку это было перспективное поле их творческой деятельности. Это было удовольствие от попыток решить неразрешимую ранее задачу, открыть нечто неизвестное ранее. По сей день такая установка остается характерной для научных работников и составляет базовое ядро их мотивации (Разина, 2017). Проблема неопределенности практически перестала существовать в Европе в эпоху

Средневековья, поскольку это было время доминирования религиозной идеологии во всех сферах жизнедеятельности, когда примат знания в мироосмыслении и миропонимании был заменен на примат веры. Вера же не предполагает сомнений и неопределенности, в ней все достаточно жестко детерминировано священными текстами.

Ситуация существенно изменилась в эпоху научной революции XVII в. Большинство методологов науки Нового времени – Р. Декарт, И. Ньютон, Ф. Бэкон и др. были сторонниками принципов причинно-следственного детерминизма и механистической модели мира, согласно которой Вселенная подчиняется определенным законам. Задача науки состояла в том, чтобы открыть все эти законы, тем самым избавив человечество от неопределенности. Однако, как показало последующее развитие науки, в частности квантовой физики в XX в., неопределенность на фундаментальном уровне оказалась вплетена в физическую основу мира, что нашло яркое отражение в работах А. Эйнштейна, М. Планка, Н. Бора, Э. Шредингера, В. Паули, Л. Больцмана и др.

При этом, однако, основным мотивом работ данных ученых продолжало являться стремление к определенности: «Существенно важным при этом является то, что внешний мир представляет собой нечто независимое от нас, абсолютное, чему противостоим мы, а поиски законов, относящихся к этому абсолютному, представляются мне самой прекрасной задачей в жизни учёного» (Планк, 1958, с. 625).

Таким образом, начиная с античности и до наших дней, предметом деятельности ученого была и продолжает оставаться неизведанность, т.е. неопределенность окружающего физического мира. Если операционализировать неопределенность в научной деятельности, то ее можно рассматривать как характеристику объекта, условие взаимодействия объекта и субъекта познания, субъективную характеристику, ситуацию,

характеризующую взаимодействие нового знания с наличным знанием (Соколова, 2018).

При этом научные сотрудники продолжают жить и работать в социуме. Наука – помимо всего прочего, это и система социальных институтов. В процессе научной деятельности активно осуществляется коммуникация. Наука, а соответственно и ученые, взаимодействуют с другими социальными институтами (властью, образованием, производством и т.п.), и все это создает условия для возникновения ситуаций социально-психологической неопределенности.

Если ситуации физической неопределенности (в своем исследовательском поле и смежных с ним) вызывают у ученого скорее позитивные эмоции, то ситуации социально-психологической неопределенности зачастую влекут за собой достаточно деструктивные последствия. Как показали исследования, например, ситуация защиты диссертации, которая может быть охарактеризована высокой степенью социально-психологической неопределенности, оказывает существенные деструктивные воздействия на психологическое благополучие научных сотрудников, и это воздействие имеет пролонгированный характер (Разина, 2018). В значительном числе случаев научные работники оказываются менее толерантными к ситуациям социально-психологической неопределенности, чем представители других профессиональных групп.

Здесь весьма актуальным является вопрос о качествах, способствующих повышению толерантности научных работников к социально-психологической неопределенности, которые могут рассматриваться в ряде профессий как профессионально важные (Кузнецова, Титова, 2016).

Таких качеств исследователи выявляют очень много. Например, как показано в работе М.И. Яновского и В.А. Монастырской, в ситуациях с высоким уровнем неопределенности количество точных решений возрастает

благодаря таким особенностям личности как персональность (способность к преодолению эгоцентризма), общий уровень осмысленности жизни, ориентация на процесс жизни, ориентация локуса контроля на жизнь и сверхбдительность (Яновский, Монастырская, 2017). Как отмечает Е.И. Перикова, успешности преодоления перцептивной неопределенности (в наших терминах – физической неопределенности) способствуют некоторые когнитивно-стилевые особенности человека: полезависимость/полenezависимость, гибкость/ригидность, импульсивность/рефлексивность (Перикова, 2016). При этом позитивную роль для ориентации в ситуации неопределенности играют оба полюса в перечисленных биполярных характеристиках. Что касается социальной неопределенности, то, например, З.Л. Тормала отмечает, что неопределенность стимулирует интерес и поиск информации, тогда как определенность трансформирует отношения в действие и наполняет их смыслом и последствиями (Tormala, 2016).

Проблема состоит в том, что лица, обладающие толерантностью к неопределенности физической среды, зачастую не обладают таковой в отношении социально-психологической неопределенности и наоборот – лица устойчивые к социально-психологической неопределенности тяжело переживают неопределенность физической среды. Ряд авторов, однако, считают, что существуют некие глубинные личностные характеристики, позволяющие быть устойчивыми к любому виду неопределенности.

Биполярный конструкт «потребность в завершенности/незавершенности» был введен группой ученых во главе с Д. Вебстер (Webster, Kruglanski, 1994) и впоследствии получил широкое развитие. Один полюс – потребность в завершенности – выражается в стремлении к ясности и определенности знаний, направленных на снижение чувства когнитивной неопределенности. Другим полюсом является высокий уровень избегания завершенности, т.е. потребности в незавершенности, которая обуславливает терпимость, и даже предпочтение

двусмысленности и неопределенности. Люди склонны избегать окончательных решений, что приводит к их открытости для восприятия новой информации. В работах М. Коссовска с коллегами было установлено, что люди с высоким уровнем потребности в завершенности в различных аспектах жизнедеятельности предпочитают порядок и предсказуемость, более решительны, но при этом и более закоснелые, им неудобно с двусмысленностью. Высокой потребностью в завершенности авторы объясняют различные социально-психологические феномены: религиозную нетерпимость (Kossowska и др., 2017), многозадачность в поведении (Szumowska et al., 2018), склонность к параноидальным тенденциям в форме теории заговора (Marchlewska et al., 2018).

Связь потребности в завершенности с когнитивными характеристиками достаточно тесная, в частности установлено, что потребность в завершенности взаимосвязана с низкой скоростью обработки информации в буфере хранения рабочей памяти (Kane и др., 2001). Помимо этого, потребность в завершенности взаимосвязана с усиленной обработкой раздражителей на ранней сенсорной стадии, и электрокортикальные индексы внимания также коррелируют с потребностью в завершенности (Kossowska и др., 2015).

Качественные отличия неопределенности обуславливают качественное отличие и методов ее изучения. На сегодняшний день в отечественной психологии имеется довольно большой объем способов, которые позволяют исследовать как неопределенность физической среды, так и социально-психологическую неопределенность.

В психологических и психофизиологических исследованиях, как правило, диагностике подвергаются стратегии поведения в ситуации неопределенности и устойчивость или толерантность к ней. Методы психологического исследования неопределенности существенно различаются в зависимости от

того, с физической или социально-психологической неопределенностью работает исследователь.

В случае с физической неопределенностью чаще всего используется экспериментальный метод (см., например: Современная экспериментальная психология..., 2011, и др.), который позволяет диагностировать и устойчивость к неопределенности, и стратегии принятия решений в них, и вероятность ошибки. Как правило, многие из этих экспериментов используют такие психофизиологические методы, как томографию и др. (Жукова, 2017). Есть, однако, работы, выполненные в основном психологическими методами (Лаврик, 2014; Перикова, 2016). Несмотря на высокую надежность экспериментов, их основной недостаток – трудоемкость и высокая себестоимость, что существенно затрудняет проведение массовых исследований, например, в вооруженных силах или среди сотрудников органов правопорядка.

Что касается социально-психологической неопределенности, то она в основном исследуется опросными методами (о них см.: Соснин и др., 2014; и др.). В этом плане в отечественной психологии наблюдается существенный дефицит в диагностическом инструментарии. Среди отечественных методик можно назвать шкалу диагностики особенностей системного принятия решения (Рябова, Шевцов, 2010). Показатели, диагностируемые шкалой, позволяют оценить уровень развития информационного, когнитивного, эмоционально-волевого, мотивационного и коммуникационного компонентов эффективного принятия решения, и, как показали исследования, данная шкала может применяться для диагностики поведения в ситуациях неопределенности и высокого риска при принятии решений. Также можно упомянуть методику диагностики направленности на поиск/припоминание информации (Владимиров, Горюшина, 2014). При низкой толерантности к неопределенности человек будет предпочитать стратегии припоминания для решения задач.

В отношении исследований толерантности к неопределенности можно назвать следующие методики: Опросник толерантности к неопределенности (Gresco, Roger, 2001). Опросник толерантности/интолерантности к неопределенности (Корнилова, 2010), Шкалу толерантности/интолерантности к неопределённости С. Баднера, известную в адаптации Т.В. Корниловой, М.А. Чумаковой (Корнилова, Чумакова, 2014), Опросник толерантности к неопределенности (McLain, 2009) в адаптации Е.Н. Осина (Осин, 2010). При этом, как показано в исследовании О.А. Кондрашихиной, наблюдается недостаточный уровень корреляции между показателями толерантности к неопределенности, полученными по разным методикам, а также наличие «парадоксальных» корреляций (Кондрашихина, 2015), что может говорить либо о том, что в основе каждой из перечисленных методик лежат различные теоретические конструкты, либо переводные методики показывают недостаточную валидность и надежность на отечественной выборке, и это связано с их не вполне тщательной адаптацией.

Как показывают исследования, значительную роль в преодолении неопределенности играет стратегия взаимодействия с окружающим миром, в частности направленность на поиск или припоминание информации— это мотивационно-регуляционная характеристика личности, определяющая стратегию построения репрезентации окружающей действительности (Владимиров, Горюшина, 2014, с. 70). Для научных работников данная характеристика может быть рассмотрена как ключевая, поскольку именно поиск новой информации и составляет предельную цель их профессиональной деятельности. В зависимости от особенностей запрашивания и задействования обратной связи личностью, можно говорить о предпочтении ориентироваться на поиск или припоминание информации. Лица с выраженной направленностью на поиск имеют тенденцию к детальному выявлению характеристик ситуации, тенденцию к исследовательскому поведению, имеют

лучшие параметры организации обратной связи. Лица с выраженной направленностью на припоминание имеют тенденцию пользоваться заготовками решений (ориентироваться на эталоны), обладают более структурированной системой опыта. Направленность на поиск информации, предполагает большую эффективность в исследовательских задачах и ориентировку в новых ситуациях с высокой степенью неопределенности.

При этом должны наблюдаться взаимосвязи стратегии на поиск информации с познавательной мотивацией. Как показали исследования, люди с низкой познавательной мотивацией в сложных ситуациях и ситуациях с высокой степенью неопределенности испытывают больший дискомфорт и менее склонны выполнять свое решение, в то время как те, кто обладает высокой познавательной мотивацией, в ситуациях неопределенности демонстрируют более уверенное поведение и принятие решений, испытывают меньший дискомфорт (Amit, Sagiv, 2013, с. 110).

В большинстве исследований утверждается наличие половых различий в научной деятельности (Wai, 2010, с. 420), творческих способностях (Matud et al., 2007, с. 1140), хотя причины этих различий называются самые разные. Однако, как показали исследования, женщины более адаптивны в ситуации неопределенности (Washburn et al., 2005, с. 455). Это может быть связано с более высокими показателями и мотивации, и направленности на поиск информации в ситуации предстоящих организационных изменений. В то же время другие работы показывают, что для женщин более характерно формальное, ригидное мышление и консерватизм (Bridges, Harnish, 2015, с. 1680). Столь противоречивые данные обуславливают актуальность исследования вопроса о направленности мышления у научных сотрудников в ситуации неопределенности.

Целью исследования являлось изучение особенностей направленности на поиск/припоминание информации у научных сотрудников в ситуации неопределенности в контексте их психологической безопасности.

Теоретический анализ позволил выдвинуть следующие *гипотезы*, которые определили дизайн исследования:

1) у научных сотрудников в ситуации организационной неопределенности направленность на поиск информации будет доминировать над направленностью на припоминание;

2) существует прямая взаимосвязь познавательной мотивации и направленности на поиск информации у научных сотрудников;

3) в ситуации неопределенности у научных сотрудников-женщин направленность на поиск информации будет ниже, чем у научных сотрудников-мужчин.

МЕТОДЫ

Данные исследования получены в ходе естественного эксперимента. Ситуация социально-психологической неопределенности (независимая переменная) возникла в связи с реформированием Российской академии наук (РАН) в марте 2014 г., именно в этот период был проведен сбор эмпирических данных. На момент исследования была создана новая управляющая структура для системы РАН – Федеральное агентство научных организаций (ФАНО). В результате научные сотрудники, работающие в институтах РАН, находились в ситуации социально-психологической неопределенности относительно тех управленческих и организационных решений, к которым может привести ее возникновение.

Было проведено одномоментное фронтальное исследование сотрудников с помощью опросных методик на добровольной основе. Фиксировались зависимые переменные: *направленность на поиск/припоминание информации и структура мотивации научной деятельности*.

Методом сбора данных выступила Методика диагностики направленности на поиск/припоминание информации (Владимиров, Горюшина, 2014, с. 70-72) и Методика диагностики мотивации научной деятельности (Разина, 2016, с. 152-181).

Выборка составила 67 респондентов– научных сотрудников Института биологии РАН, г. Сыктывкар. Среди них женщин – 33, средний возраст – 44,75 года; мужчин – 34, средний возраст – 40,86 лет.

Полученные данные были обработаны с помощью методов описательной статистики, коэффициента линейной корреляции Пирсона и t-критерия Стьюдента. Необходимо отметить, что проведенное исследование носит постановочный характер и необходимо проведение дальнейших исследований по поставленной проблеме.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В ходе исследований было установлено, что в ситуации социально-психологической неопределенности научные сотрудники примерно с одинаковой частотой решают возникающие задачи как с опорой на прошлый опыт, так и путем исследовательского поиска принципиально новых решений. Крайне незначительная часть научных сотрудников (8,9%) в ситуации неопределенности демонстрирует исключительно исследовательское поведение и решает задачи путем поиска новых данных, подходов и т.п. Также лишь небольшая часть научных сотрудников (17,9%) в ситуации неопределенности ориентируется исключительно на прошлый опыт, традиционные, проверенные решения проблем и задач. Таким образом, наше предположение о доминировании у научных сотрудников в ситуации организационной неопределенности направленности на поиск информации не подтвердилось.

Наше второе предположение о наличии прямой взаимосвязи между направленностью на поиск информации и познавательной мотивацией также не

подтвердилось. Значения коэффициента линейной корреляции Пирсона составляют $r=-0,18$, при $p \leq 0,20$, что свидетельствует об отсутствии линейных взаимосвязей между данными показателями.

Наша третья гипотеза о том, что у научных сотрудников – женщин направленность на поиск информации будет ниже, чем у мужчин, также не подтвердилась. Значения *t*-Стьюдента по данному показателю между выборками мужчин и женщин составили $t=0,02$ при $p \leq 0,97$. Таким образом, направленность на поиск информации, как у мужчин, так и у женщин научных сотрудников совершенно не различается.

Помимо данных, направленных на проверку гипотез, также были получены другие результаты, которые позволяют интерпретировать установленные закономерности. В частности, в подгруппе научных сотрудников – мужчин установлена отрицательная взаимосвязь между направленностью на поиск информации и познавательной мотивацией ($r=-0,47$, при $p \leq 0,04$). Обнаружены также значимые различия в уровне некоторых мотивов научной деятельности в подгруппах мужчин и женщин. Так у научных сотрудников – мужчин мотивация безопасности значимо выше, чем у женщин ($t=2,76$, при $p \leq 0,007$), а познавательная мотивация у женщин и мужчин научных сотрудников значимо не отличается ($t=-0,20$, при $p \leq 0,83$).

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Анализ полученных результатов позволяет сказать, что для научных сотрудников направленность на поиск информации в ситуации социально-психологической неопределенности не является типичной. Скорее, наоборот, значительная часть сотрудников обращается к анализу прошлого опыта. У мужчин, возможно, такая стратегия обусловлена более высокими мотивами безопасности, т.е. желанием сохранить в данной ситуации свой статус, имидж и определенное положение в научной иерархии. Это косвенно свидетельствует о

том, что именно для научных сотрудников-мужчин ситуация социально-психологической неопределенности является психологически более дискомфортной и опасной. На протяжении последних 25 лет система РАН и организация научного труда в России достаточно часто переживала весьма существенные трансформации, поэтому обращение к прошлому опыту в сложившейся ситуации выглядит вполне оправданным.

Возможно, отсутствие высоких показателей в направленности на поиск информации явилось следствием ситуации социально-психологической неопределенности, в ходе которой это качество существенно угнеталось. Таким образом ситуация социально-психологической неопределенности снижает и способности научных сотрудников эффективно действовать в ситуациях физической неопределенности.

Следствием низкой направленности на поиск информации в ситуации структурных и организационных изменений будет низкая научно-исследовательская активность, а соответственно и низкая научная продуктивность. Научный сотрудник озабочен вопросами самосохранения, а не научного поиска.

При этом не была обнаружена прямая связь между познавательной мотивацией и направленностью на поиск информации. Возможно, данная связь носит некий иной характер, однако объем выборки не позволяет с достаточной степенью достоверности проверить данное предположение. Возможен и другой вариант: в ситуации неопределенности научные сотрудники продолжают испытывать познавательную мотивацию, но при этом их направленность на поиск информации серьезно ограничена неопределенной социальной ситуацией. Следствием этого является когнитивный диссонанс, фрустрация, что неблагоприятно сказывается на психологическом состоянии научных сотрудников, снижает уровень их психологической безопасности.

При этом в подгруппе мужчин обнаружена обратная связь: чем выше познавательная мотивация, тем больше направленность на припоминание информации, обращение к прошлому опыту. Это отражает сложную информационную структуру научной деятельности, которая наряду с поиском информации предполагает и интеграцию данной информации в уже имеющийся объем научных знаний (Карпов, Разина, 2014). Таким образом, для научного сотрудника должна быть одинаково характерна как направленность на поиск, так и направленность на припоминание информации, поскольку обе они используются в процессе осуществления научной деятельности. Тем не менее, если направленность на припоминание будет доминировать (что характерно для ситуации неопределенности), то исследовательский процесс рискует полностью превратиться в репродуктивный, что негативно скажется на его результатах.

Что касается половых различий, то их отсутствие в направленности на поиск/припоминание информации говорит о том, что в профессиональной научной деятельности мы имеем дело с определенной «очищенной» выборкой, поскольку на работу в научную организацию и мужчины, и женщины попадают, уже пройдя своеобразный отбор, в том числе и по когнитивно-мотивационным характеристикам. Те же сотрудники, которые не обладают должными качествами, просто отсеиваются из научной организации на ранних этапах своей карьеры. К тому же, как уже было сказано выше, направленность на поиск информации не является единственной требуемой для осуществления научной деятельности направленностью. Тем не менее, в среде научных сотрудников мужчин и женщин все же имеются значимые различия в уровне мотивации безопасности. Видимо мужчины оказались более чувствительными к ситуации неопределенности и в большей степени интерпретировали ее как угрожающую. Наиболее неблагоприятными последствиями в сложившейся ситуации может быть увольнение, то есть потеря должности, статуса и

возможности заниматься научной работой. Мы можем предположить, что для мужчин такая ситуация будет более тяжелой, поскольку женщины, в сходной ситуации имеют вполне социально приемлемую возможность заняться семьей и домашним хозяйством, в то время как для мужчины подобное развитие карьеры равносильно полному социальному провалу и профессиональной смерти. Соответственно, женщины действительно показали более высокие адаптивные способности к ситуации социально-психологической неопределенности, вызванной организационными факторами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в ситуации социально-психологической неопределенности для научных сотрудников характерна направленность как на поиск, так и на припоминание информации, что обусловлено как содержанием научной деятельности, так и социально-историческим контекстом. Однако, в случае если ситуация социально-психологической неопределенности окажется затяжной, это может привести к неудовлетворенности познавательных мотивов, к когнитивному диссонансу и фрустрации и трансформации научной деятельности в репродуктивную. Следствием этого будет критический уровень психологического благополучия научных сотрудников, поскольку указанные признаки и симптомы свидетельствуют о снижении психологической безопасности научных работников в ситуации неопределенности.

В текущей ситуации упразднения ФАНО, переходу к новой системе министерств, ситуация социальной неопределенности возникает вновь, что может крайне негативно сказываться на содержании и продуктивности научной работы. В заключении хочется отметить, что научные сотрудники весьма устойчивы к ситуации неопределенности в физической среде (т.е. к содержанию их профессиональной деятельности), но при этом они весьма чувствительны к неопределенности в социальном плане, поэтому частые

социально-экономические изменения негативно воздействуют на результаты научной работы ставят под угрозу психологическую безопасность научных работников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Владимиров И.Ю., Горюшина Е.А. Методика диагностики направленности на поиск/припоминание информации // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2014. № 4. Т. 20. С. 70-72.

Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / Отв. ред. А.В. Махнач, Л.Г. Дикая. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

Журавлев А.Л., Ковалева Ю.В. Глобальная психология: анализ актуального научного статуса // Психология труда и управления как ресурсы развития общества в условиях глобальных изменений. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию факультета психологии Тверского государственного университета. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2018. С. 76-83.

Жукова О.В. Закономерности перестройки крупномасштабной нейронной сети головного мозга человека при распознавании лиц в условиях неопределенности: Автореф. дисс...канд. психол. наук. СПб, 2017.

Карпов А.В., Разина Т.В. Научная деятельность – деятельность информационного характера // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2014. № 1 (27). С. 58-64.

Кондрашихина О.А. Диагностика толерантности к неопределенности: корреляция результатов психодиагностических измерений // Перспективы науки и образования. Международный электронный научный журнал.

2015. № 5(17). С. 83-87. URL: <http://pnojurnal.wordpress.com/archive15/15-05/> (дата обращения: 05.03.2018).

Корнилова Т.В. Новый опросник толерантности–интолерантности к неопределенности // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 1. С. 74-86.

Корнилова Т.В., Чумакова М.А. Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности в модификации опросника С. Баднера // Экспериментальная психология. 2014. № 1. С. 92-110.

Кузнецова А.С., Титова М.А. Эффективная саморегуляция состояния в напряженных условиях, как дифференцирующая компетенция // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2016. Т. 1. № 1. С. 84-109. URL: <http://work-org-psychology.ru/engine/documents/document204.pdf> (дата обращения: 04.05.2018).

Лаврик А.В. Особенности стратегии отражения действительности в ситуации неопределенности жителями городской и сельской местности: Автореф. дисс...канд. психол. наук. М., 2014.

Марищук Л.В., Юхновец Т.И. К вопросу о психологическом содержании неопределенности в профессии // Вестник гуманитарного образования. 2016. № 1. С. 36-41.

Нестик Т.А., Журавлев А.Л. Психология глобальных рисков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.

Обознов А.А., Журавлев А.Л. Психология профессиональной деятельности в трудах В.А. Бодрова (к 85-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 5. С. 104-110.

Осин Е.Н. Факторная структура русскоязычной версии шкал общей толерантности к неопределенности Д. Маклейна // Психологическая диагностика. 2010. № 2. С.65-86.

Патяева Е.Ю. Интернет-сообщества как новая социальная реальность: психологические задачи «человека сетевого» // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3. № 2 (9). С.74-109. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document613.pdf> (дата обращения: 24.08.2018).

Перикова Е.И. Когнитивно-стилевые особенности преодоления перцептивной неопределенности: Автореф. дисс...канд. психол. наук. СПб., 2016.

Планк М. Научная автобиография // Успехи физических наук. 1958.Т. LXIV. Вып. 4.С. 621-637.

Проблемы социальных конфликтов в современной психологии: сущность, детерминанты, регулирование. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.

Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.

Психология, управление, бизнес: проблемы взаимодействия. Тверь: Изд-во ТвГУ, 2016.

Разина Т.В. Структурно-функциональная организация и генезис мотивации научной деятельности: Дисс. ... докт. психол. наук. Ярославль, 2016.

Разина Т.В. Познавательная мотивация в структуре мотивации научной деятельности // Психология обучения. 2017. № 9. С. 95-106.

Разина Т.В. Стресс, вызванный защитой диссертации, и его последствия // Психология обучения. 2018. № 7. С. 131-138.

Рябова Т.В., Шевцов М.Н. Методика диагностики особенностей системного принятия решения // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2010. №4(12). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 05.03.2018).

Соколова О.И. Понятие «неопределенность» в контексте взаимодействия субъекта и объекта научного познания // Вестник Мининского

университета. 2018. Т. 6. № 2. С. 17-32. DOI: 10.26795/2307-1281-2018-6-2-17.

Современная экспериментальная психология: в 2-х т. Т. 1 М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.

Соснин В.А., Журавлев А.Л., Красников М.А. Социальная психология: Учебное пособие для студентов вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ФОРУМ; ИНФРА-М, 2014.

Социально-психологическая оценка рисков современной реальности: очевидное и вероятное: монография / Под науч. ред. О.А. Белобрыкиной. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2017.

Яновский М.И., Монастырская В.А. Факторы эффективности ориентировки в ситуации неопределенности // Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2017. № 1. Т. 1. С. 219-230. URL: <http://chelovekimir.ru/engine/documents/document204.pdf> (дата обращения: 14.06.2018).

Amit A., Sagiv L. The role of epistemic motivation in individuals' response to decision complexity // Organizational Behavior and Human Decision Processes. 2013. 121. P. 104-117.

Bridges K.R., Harnish R.J. Gender Differences in Formal Thinking: Their Impact on Right-Wing Authoritarianism and Religious Fundamentalism // Psychology. 2015. V. 6. P. 1676-1684.

Greco V., Roger D. Coping with uncertainty: the construction and validation of a new measure // Personality and Individual Differences. 2001. V. 31. P. 519-534.

Kane M., Bleckley K., Conway A., Engle R. A controlled-attention view of working-memory capacity // Journal of Experimental Psychology. 2001. V. 130. P.169-183.

Kossowska M., Szwed P., Czernatowicz-Kukuczka A., Sekerdej M., Wyczęsany M. From Threat to Relief: Expressing Prejudice toward Atheists as a Self-

Regulatory Strategy Protecting the Religious Orthodox from Threat // *Frontiers in Psychology*. 2017. V. 8. Article 873. P. 1-8. DOI: 10.3389/fpsyg.2017.00873.

Kossowska M., Czarnek G., Wyczesany M., Wronka E., Szwed P., Bukowski M. Electrocortical indices of attention correlate with need for closure // *Neuro Report*. 2015. №26(5). P.285-290. DOI: 10.1097/WNR.0000000000000345.

McLain D.L. Evidence of the properties of an ambiguity tolerance measure: The Multiple Stimulus Types Ambiguity Tolerance Scale-II (MSTAT-II) // *Psychological Reports*. 2009. V. 105. P. 975-988.

Marchlewska M., Cichocka A., Kossowska M. Addicted to answers: Need for cognitive closure and the endorsement of conspiracy beliefs // *European Journal of Social Psychology*. 2018. V. 48. P. 109-117. DOI: 10.1002/ejsp.2308.

Matud M.P., Grande J.P., Rodríguez C. Gender differences in creative thinking // *Personality and Individual Differences*. 2007. V. 43. P. 1137-1147.

Szumowska E., Popławska-Boruc A., Kossowska M. How many things do you (like to) do at once? The relationship between need for closure and multitasking preference and behavior // *Personality & Individual Differences*. 2018. V. 134. P. 222-231 DOI: doi.org/10.1016/j.paid.2018.06.023.

Tormala Z.L. The role of certainty (and uncertainty) in attitudes and persuasion // *Current Opinion in Psychology*. 2016. V. 10. P. 6-11.

Wai J., Cacchio M., Putallaz M., Makel M.C. Sex differences in the right tail of cognitive abilities: A 30 year examination // *Intelligence*. 2010. V. 38. P. 412-423.

Washburn D.A., Smith J.D., Tagliatela L.A. Individual Differences in Metacognitive Responsiveness: Cognitive and Personality Correlates // *The Journal of General Psychology*. 2005. V. 132(4). P. 446-461. DOI: 10.3200/GENP.132.4.446-461.

Webster D.M., Kruglanski A.W. Individual differences in need for cognitive closure // Journal of personality and social psychology. 1994. V. 67. № 6. P. 1049-1062.

BIBLIOGRAFICHESKIJ SPISOK

Vladimirov I.Yu., Goryushina E.A. Metodika diagnostiki napravlenosti na poisk/pripominanie informacii // Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova. Pedagogika. Psihologiya. Social'naya rabota. Yuvenologiya. Sociokinetika. 2014. № 4. T. 20. S.70-72.

Zhiznesposobnost' cheloveka: individual'nye, professional'nye i social'nye aspekty / Otv. red. A.V. Mahnach, L.G. Dikaya. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2016.

Zhuravlev A.L., Kovaleva Yu.V. Global'naya psihologiya: analiz aktual'nogo nauchnogo statusa // Psihologiya truda i upravleniya kak resursy razvitiya obshchestva v usloviyah global'nyh izmenenij. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 25-letiyu fakul'teta psihologii Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Tver': Tver. gos. un-t, 2018. S. 76-83.

Zhukova O.V. Zakonomernosti perestrojki krupnomasshtabnoj nejronnoj seti golovnogogo mozga cheloveka pri raspoznavanii lic v usloviyah neopredelennosti: Avtoref. diss...kand. psihol. nauk. SPb, 2017.

Karpov A.V., Razina T.V. Nauchnaya deyatel'nost' – deyatel'nost' informacionnogo haraktera // Vestnik Yaroslavskego gosudarstvennogo universiteta im. P.G. Demidova. Seriya Gumanitarnye nauki. 2014. № 1 (27). S. 58-64.

Kondrashihina O.A. Diagnostika tolerantnosti k neopredelennosti: korrelyaciya rezul'tatov psihodiagnosticheskikh izmerenij // Perspektivy nauki i obrazovaniya. Mezhdunarodnyj ehlektronnyj nauchnyj zhurnal. 2015. № 5 (17). S. 83-87. URL: <http://pnojurnal.wordpress.com/archive15/15-05/> (data obrashcheniya: 05.03.2018).

Kornilova T.V. Novyj oprosnik tolerantnosti–intolerantnosti k neopredelennosti // Psihologicheskij zhurnal. 2010. T. 31. № 1. S. 74-86.

Kornilova T.V., Chumakova M.A. Shkaly tolerantnosti i intolerantnosti k neopredelennosti v modifikacii oprosnika C. Badnera // Eksperimental'naya psihologiya. 2014. № 1. S. 92-110.

Kuznecova A.S., Titova M.A. Ehffektivnaya samoregulyaciya sostoyaniya v napryazhennyh usloviyah, kak differenciruyushchaya kompetenciya // Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Organizacionnaya psihologiya i psihologiya truda. 2016. T. 1. № 1. С.84-109. URL: <http://work-org-psychology.ru/engine/documents/document204.pdf>(data obrashcheniya: 04.05.2018).

Lavrik A.V. Osobennosti strategii otrazheniya dejstvitel'nosti v situacii neopredelennosti zhitelyami gorodskoj i sel'skoj mestnosti: Avtoref. diss...kand. psihol. nauk. M., 2014.

Marishchuk L.V., Yuhnovec T.I. K voprosu o psihologicheskom sodержanii neopredelennosti v professii // Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya. 2016. №1. S. 36-41.

Nestik T.A., Zhuravlev A.L. Psihologiya global'nyh riskov. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2018.

Oboznov A.A., Zhuravlev A.L. Psihologiya professional'noj deyatel'nosti v trudah V.A. Bodrova (k 85-letiyu so dnya rozhdeniya) // Psihologicheskij zhurnal. 2016. T. 37. № 5. S. 104-110.

Osin E.N. Faktornaya struktura russkoyazychnoj versii shkal obshchej tolerantnosti k neopredelennosti D. Maklejna // Psihologicheskaya diagnostika. 2010. № 2. S. 65-86.

Patyaeva E.Yu. Internet-soobshchestva kak novaya social'naya real'nost': psihologicheskie zadachi «cheloveka setevogo» // Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i ehkonomicheskaya psihologiya. 2018. T. 3. № 2

(9). S. 74-109. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document613.pdf> (data obrashcheniya: 24.08.2018).

Perikova E.I. Kognitivno-stilevye osobennosti preodoleniya perceptivnoj neopredelennosti: Avtoref. diss...kand. psihol. nauk. SPb., 2016.

Plank M. Nauchnaya avtobiografiya // Uspekhi fizicheskikh nauk. 1958. T. LXIV. Vyp. 4. S. 621-637.

Problemy social'nyh konfliktov v sovremennoj psihologii: sushchnost', determinanty, regulirovanie. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2018.

Psihologicheskie issledovaniya global'nyh processov: predposylki, tendencii, perspektivy. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2018.

Psihologiya, upravlenie, biznes: problemy vzaimodejstviya. Tver': Izd-vo TvGU, 2016.

Razina T.V. Strukturno-funkcional'naya organizaciya i genezis motivacii nauchnoj deyatel'nosti: Diss. ... dokt. psihol. nauk. Yaroslavl', 2016.

Razina T.V. Poznavatel'naya motivaciya v strukture motivacii nauchnoj deyatel'nosti // Psihologiya obucheniya. 2017. № 9. S. 95-106.

Razina T.V. Stress, vyzvannyj zashchitoj dissertacii, i ego posledstviya // Psihologiya obucheniya. 2018. № 7. S. 131-138.

Ryabova T.V., Shevcov M.N. Metodika diagnostiki osobennostej sistemnogo prinyatiya resheniya // Psihologicheskie issledovaniya: ehlektron. nauch. zhurn. 2010. №4(12). URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya: 05.03.2018).

Sokolova O.I. Ponyatie «neopredelennost'» v kontekste vzaimodejstviya sub"ekta i ob"ekta nauchnogo poznaniya // Vestnik Mininskogo universiteta. 2018. T. 6. № 2. С. 17-32. DOI: 10.26795/2307-1281-2018-6-2-17.

Sovremennaya ehksperimental'naya psihologiya: v 2-h t. T. 1 M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2011.

Sosnin V.A., Zhuravlev A.L., Krasnikov M.A. Social'naya psihologiya: Uchebnoe posobie dlya studentov vuzov. 2-e izd., pererab. i dop. M.: FORUM; INFRA-M, 2014.

Social'no-psihologicheskaya ocenka riskov sovremennoj real'nosti: ochevidnoe i veroyatnoe: monografiya / Pod nauch. red. O.A. Belobrykinoj. Novosibirsk: Izd-vo NGPU, 2017.

Yanovskij M.I., Monastyrskaya V.A. Faktory ehffektivnosti orientirovki v situacii neopredelennosti// Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Chelovek i mir. 2017. № 1. T. 1. S. 219-230. URL: <http://chelovekimir.ru/engine/documents/document204.pdf> (data obrashcheniya: 14.06.2018).

Amit A., Sagiv L. The role of epistemic motivation in individuals' response to decision complexity // Organizational Behavior and Human Decision Processes. 2013. 121. P.104-117.

Bridges K.R., Harnish R.J. Gender Differences in Formal Thinking: Their Impact on Right-Wing Authoritarianism and Religious Fundamentalism // Psychology. 2015. V. 6. P.1676-1684.

Greco V., Roger D. Coping with uncertainty: the construction and validation of a new measure // Personality and Individual Differences. 2001. V. 31. P. 519-534.

Kane M., Bleckley K., Conway A., Engle R. A controlled-attention view of working-memory capacity // Journal of Experimental Psychology. 2001. V. 130. P. 169-183.

Kossowska M., Szwed P., Czernatowicz-Kukuczka A., Sekerdej M., Wyczesany M. From Threat to Relief: Expressing Prejudice toward Atheists as a Self-Regulatory Strategy Protecting the Religious Orthodox from Threat // Frontiers in Psychology. 2017. V. 8. Article 873. P. 1-8. DOI: 10.3389/fpsyg.2017.00873.

Kossowska M., Czarnek G., Wyczesany M., Wronka E., Szwed P., Bukowski M.

Electrocortical indices of attention correlate with need for closure // *Neuro Report*. 2015. № 26(5). P. 285-290. DOI: 10.1097/WNR.0000000000000345.

McLain D.L. Evidence of the properties of an ambiguity tolerance measure: The

Multiple Stimulus Types Ambiguity Tolerance Scale-II (MSTAT-II) // *Psychological Reports*. 2009. V. 105. P. 975-988.

Marchlewska M., Cichocka A., Kossowska M. Addicted to answers: Need for

cognitive closure and the endorsement of conspiracy beliefs // *European Journal of Social Psychology*. 2018. V. 48. P. 109-117. DOI: 10.1002/ejsp.2308.

Matud M.P., Grande J.P., Rodríguez C. Gender differences in creative thinking //

Personality and Individual Differences. 2007. V. 43. P. 1137-1147.

Szumowska E., Popławska-Boruc A., Kossowska M. How many things do you (like

to) do at once? The relationship between need for closure and multitasking preference and behavior // *Personality & Individual Differences*. 2018. V. 134. P. 222-231 DOI: doi.org/10.1016/j.paid.2018.06.023.

Tormala Z.L. The role of certainty (and uncertainty) in attitudes and persuasion //

Current Opinion in Psychology. 2016. V. 10. P. 6-11.

Wai J., Cacchio M., Putallaz M., Makel M.C. Sex differences in the right tail of

cognitive abilities: A 30 year examination // *Intelligence*. 2010. V. 38. P. 412-423.

Washburn D.A., Smith J.D., Tagliatela L.A. Individual Differences in

Metacognitive Responsiveness: Cognitive and Personality Correlates // *The Journal of General Psychology*. 2005. V. 132(4). P. 446-461. DOI: 10.3200/GENP.132.4.446-461.

Webster D.M., Kruglanski A.W. Individual differences in need for cognitive closure //

Journal of personality and social psychology. 1994. V. 67. № 6. P. 1049-1062.

PSYCHOLOGICAL SAFETY OF SCIENTIFIC WORKERS IN SITUATIONS OF SOCIAL-PSYCHOLOGICAL UNCERTAINTY AND PHYSICAL UNCERTAINTY

S.L. Kandybovich*, T.V. Razina**

*Academician of RAE, Sc.D. (psychology), professor, leading research officer, FSFEE HE «Yesenin Ryazan State University»; 18, Polonsky str., Ryazan, 390000;
e-mail: s.kandybivich@sodru.com

**Corresponding member of Military Sciences Academy RF, Sc.D. (psychology), associate professor, professor of RAE, chief analyst, FSFE «Russian Academy of Education»; 8, Pogodinskaya str., Moscow, 119121; e-mail: razinat@mail.ru

Summary. The uncertainty of the physical environment complicates the work of person's sensor systems (the bad review, existence of noise, etc.) or causes difficulties for cognitive processes. The uncertainty of the social and psychological environment relates to the complexity of interpretation of communications and social communications as well as polysemy, reserve, insufficiency or redundancy of information. For scientists, the tolerance to physical uncertainty is routine, but they are incredibly vulnerable for social and psychological uncertainty. The goal of the research was the studying of the orientation on search/remembering of information of research associates in the uncertainty situation in the context of their psychological safety. It was shown that in the conditions of social and psychological uncertainty low indicators of orientation on information search were observed. The analysis of results allowed to establish that the high tolerance to the uncertainty of the physical environment but low to social and psychological uncertainty were the characteristics of research associates, and it, in turn, reduces the abilities to work in situations of the material uncertainty, i.e. to carry out professional activity. The scientific employees the males were more subjects to adverse effects of the condition of social and psychological uncertainty and their level of motivation of safety was higher than female. Also, the frustration states about maintaining cognitive motivation and simultaneous restriction of the orientation of search for information in the uncertain social situation were noted that in turn had been causing the behavioral strategy directed to updating of experience and the decrease the educational activity. It was noted that long terms conditions of

social and psychological uncertainty could act as the factor of significant reduction in the psychological safety of the research associates.

Keywords: situation of uncertainty, physical uncertainty, socio-psychological uncertainty, orientation on searching / recalling information, researcher, psychological safety.